

Александра Гордеева-Фокина

Волшебник и птица

Александра Гордеева-Фокина

Волшебник и птица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22971985

ISBN 9785448376825

Аннотация

Кто мы такие на самом дне себя... когда нет даже звуков, нет мыслей, нет ничего в чем может отразиться наше я? Как мы проживаем свое одиночество? Что мы несем на поверхность, когда достигаем самых нижних своих этажей? Когда проскальзывая вдоль страхов и боли, мы выныриваем обновленными, учась познавать мир, не через боль, но сквозь любовь...

Содержание

Волшебник и птица	6
Александра Фокина-Гордеева	6
Предисловие	7
Глава 1. Потоки мыслей	10
Глава 2. Тени Марры	22
Глава 3. Выгода	31
Глава 4. Свобода выбора	38
Глава 5. Кусок пирога	46
Глава 6. Демоны...	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Волшебник и птица

Александра Гордеева-Фокина

Дизайнер обложки Веда Рам

Фотограф Евгений Шаман

Редактор Екатерина Шиварокова

Фотограф Григорий Соловьев

Фотограф Мария Трофимова

© Александра Гордеева-Фокина, 2019

© Веда Рам, дизайн обложки, 2019

© Евгений Шаман, фотографии, 2019

© Григорий Соловьев, фотографии, 2019

© Мария Трофимова, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4483-7682-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Волшебник и птица

Александра Фокина-Гордеева

Предисловие

Я не знаю, как ищутся смыслы... Какими дебрями пробираться заставит нас судьба к тому, что уготовлено, чтобы стать настоящим... «настоящим человеком», целостной личностью... А кто он, этот человек, что значит целостность? Что такое – «быть»?.. Каким образом – стать, подняться, стряхнуть пыль дорог, смахнуть застывшую слезу, залечить раны, научиться познавать мир не сквозь боль, а через любовь?.. Я думаю, что настоящими нас делает жизнь, которую мы живём, то, как она отражается на наших лицах... что она пишет в наших сердцах... как она играет лучистостью в наших делах... От судьбы не уйдёшь?! Но кто это сказал и зачем? Не для того ли, чтобы мы в каждом знаке пространства видели возможности новых путей... новых себя... или это как раз то, что указывает на перекрёстки и развязки на наших кажущихся прямых... то, чему предначертано свершиться, готовы мы к этому или нет... Или, возможно, пространство не указывает на перемены, иные пути, а лишь готовит нас к неизбежному?! Жертвы... жертвенность... возможность выбора...

Когда я была маленькой, я думала, что во Вселенной нет пустых вещей, что всё и всегда наполнено множеством смыслов для реализации своих задач... особенно смерть... что именно она – та точка невозврата, после которой уже нечего менять... незачем... но только тут и начинаются все перемены и метаморфозы... для тех, кто остался здесь, до чер-

ты... и теперь обязаны как-никак влачить своё существование... вставать по утрам... пить, не чувствуя жажды, есть, испытывая тошноту, но не имея возможности проглотить застрявший в горле ком, пережёвывая пустоту, переживая бесконечно долгий день! В ужасе от того, что придёт ночь и её тоже необходимо пронести на своих плечах... эту неподъёмную ношу в восемь часов... когда стрелка просто застряла, и секунды падают на пол тяжёлыми свинцовыми... Но порой я впадаю совсем в человеческое, в линейность того, что те или иные действия всё же оказались бессмысленными... что можно было сделать лишь шаг... протянуть руку, вовремя сказать «я тоже», «мне больно»... «останься» или «прости»... Что всё выстроилось бы по-иному... Мы поглощены своей всемогущностью, пока не сталкиваемся с тем, что не можем изменить никакими мольбами или действиями, даже будучи готовы отдать за это жизнь. Но, возвращаясь снова на высочайшую точку обзора, я понимаю, что даже в этом нет пустоты... это опыт, эмоциональные знания, которые выстраивают, настраивают на новый лад в симфонии мира, в гармонии вселенной, самое важное, что есть на земле, – ещё одну душу...

Глава 1. Поток мысли

Он шёл, не оглядываясь, её яркие образы застревали в нём, нанося точечные удары по восприятию этой реально-

сти... Ему всегда казалось, что она лишь смеётся над ним, признаваясь ему в своей любви... чистой и высокой... никогда вслух... никогда... может, он сам себе всё придумал? Да, такая изобретательность... тоже мне, конструктор... хотя в её глазах горел, заигрывал дикий и неистовый Агни, зазывая в свою опасную игру «кто не спрятался, я не виноват». Со всей, свойственной только ей, непонятной властью над картинами в его голове... и не только его! Слушателей будто всасывало в эту воронку образов, смыслов, стимулов, все сливалось в переживаемые ею яркие картины, попадая в голову всем, до кого дотягивались. И более того, она не наивно играла в это, а точно знала, как действует на людей... Возможно, упиваться этой игрой она стала совсем недавно, и всё же заводила её эта власть над всем, что было рядом... без желания управлять, с каким-то детским любопытством экспериментатора... «Всё основывается только на самой погруженности в этот данный момент, от глубины нахождения... от окружения, – говорила Нарада.

– Я всегда следую за потоками тех, кто рядом, и чем они сильнее, тем ярче мои уровни и планы, тем легче я могу передать, опуская многих в воды моих мыслей»...

Её гибкие пальцы... лёгкие уверенные движения, когда она следила за ними, такие потерянные и совсем пространственные во время ускользания внимания к себе, тогда она двигалась в такт никому не слышному ритму, пахла по-другому и выглядела довольно психоделично, наполненная те-

кучеством воды... тогда она была настоящей и привлекала его чем-то большим, чем была... женщина... ребёнок... игра... игрище... Он до сего дня не мог понять начала и конца её искренности. Нет, искренность была безупречной. Нарада всегда верила в то, что чувствовала, но её чувства менялись с такой скоростью, что порой она сама за ними не поспевала, заигрывалась, полностью захваченная в плен собственных видений и иллюзий. Ей проще было убить в себе чувства, если эта личность не соответствовала изящно прорисованной, доведённой до безупречности картине – линиями, которым совсем не свойственна ни линейность, ни идеальность... принять чужой мир? Чуждый и, возможно, слишком медленный для её скорости – скучный... нет! Только не так!.. Скука – удел разрозненности, сломанной гармонии...

Чёртова погрешность в расчётах, проклятое любопытство! Он думал, что справится, попав в это «путешествие» и засидевшись в Иамма, он просто разомнёт ноги. Он так и не понял, как оказался у дверей этой дикой бестии...

Нарада поглотила его полностью, заняв всё его пространство... пока это удавалось более-менее держать в руках... в чьих, вот вопрос?... Но он намеренно ждал, то ли когда она сама придёт в себя, то ли окончательно поглотит его со всем грузом своих же отражений в нём... Воткнувшись в эту пиксельность, в этот хаос собственного бессилия, он пронёс своё усталое тело ещё несколько кварталов и свернул

на Северный перекрёсток, оттуда было рукой подать до Маяка. Там, в глубокой пещере, ждал его единственный верный друг, которого не удалось отпугнуть желанием спрятаться в ракушку чёрствости и усталого одиночества, унося в самую глубину сокровенное. Рудра не пошёл в пещеру, он заглянул в свой внушительных размеров дом-маяк, такой аккуратный снаружи, но необыкновенно вместительный внутри.

– Я ждала тебя ещё вчера, – Астeya сидела спиной к входной двери и смотрела сквозь стеклянную стену в бесконечность океана.

– Ты же знаешь, такие разговоры заводят в тупик, – металлическим голосом бросил Рудра в её безупречно ровную спину...

– Я всегда вовремя и к месту. Собрав несколько бокалов и бутылку вина, повернулся и посмотрел на воду, пытаясь по её цвету определить, который теперь час... так и не вспомнив, спустя секунду, каков океан... какого оттенка... дикий или спокойный... совсем, как она... Спустился по винтовой лестнице к потайному ходу...

Астeya знала, что чем глубже он спускается, тем невыносимее её одиночество и беспокойство. Ей хотелось, как раньше, когда она просто была рядом, без надежды, заметит ли он её тоску, выскакивающую каждый раз к его ногам. Время беззаботной дружбы, простых отношений, без забивания друг друга в угол своими претензиями о том, что тот, кто рядом, не захотел стать иллюзией – марой... другому. Сей-

час она совладала, как, впрочем и всегда, с порывом догнать, обнять, прижаться к нему, потребовать объяснений, любви! Всего того, что жило в ней самой, но не было разделено, потому искало возможность зацепиться хоть за кого-нибудь, за нечто... принявшее его облик... Отчаяние, переходящее в «давай попробуем, может, получится»...

Он дошёл до самого тёмного в этом бесконечно длинном, закрученном пути, проходящем в таких же тёмных и запутанных мыслях... Волшебник ждал своего подмастерья, которым Рудра перестал быть уже несколько столетий назад. Но всегда почитал учителя, принося ему вести своих прозрений. Лурро был стар, три маяка сменили друг друга на этом утёсе, ни один не стоял дольше трёхсот лет. Войны приходили в одно и то же время и, к сожалению, место, дробя не только жизни, но и камни. Размалывая в пыль всё понимание, нелепостью идей способные разрушать как трогательно тонкое, так и вечное...

– Всё движется по кругу, – как всегда прочитав мысли, ответил на них мудрый Лурро.

– Не каждому везёт выйти на спиральные пути... Они ждут тебя, давай бутылку, – старик убрал своё любимое, густое и чёрное, как кровь, вино в дорожную сумку и закрыл за Рудрой ход задвинув каменную стену рукой, не воспользовавшись кирпичом, сделанным на манер кнопки. Он никогда не интересовался земными удобствами, имея уникальную силу управлять всем по-своему, в только ему свойственной

небрежной манере. Граг и Нейсмер, уже перетаптывались с ноги на ногу, корябая пол и сдирая с него подобие керамического покрытия. Стены сплошь были покрыты гарью, местами полопались от жара огнедышащих пастей. Граг, буквально как щенок, подпрыгнул на месте, давя на Рудру своей колючей мордой, едва сдерживаясь, дабы не обдать его обжигающим приветствием. Успев отпрыгнуть в сторону, Рудра, слегка оттолкнул его ладонью наотмашь, больно поцарапав руку о твёрдую кожу. Тоже мне щенок... ласковое, домашнее, пушистое... как крупная наждачка... Нейсмер, удрученный опытом общения с Лурро, стоял и всем видом показывал, что только он тут и есть вся древняя мудрость и выдержка. Волшебники открыли вход в грот, сквозь который было необходимо сначала пронырнуть, что они и сделали. Лурро, возложив руки на своего дракона, передал ему образ места, куда нам было необходимо попасть. Место общих видений, ночных кошмаров, обычно за пару часов до рассвета будивших силой другую, более яркую реальность, обдавая мурашками, поднимая волосы дыбом, страхом, понижывающим и выпрыгивающим диким криком сквозь спёкшиеся губы. Судьба... спиральки... круги... угловатости...

То место привлекало Рудру давно, и теперь было немного жутковато попасть в свои самые невероятные кошмары во плоти. Маги двигались вдоль реки, пролетая над высокими, как стены, древними развалинами гор-великанов, белёсых, как кости, изрезанными глубокими тёмными впади-

нами, трещинами, оврагами с рваными ранами-пещерами. Подлетая к океану, там, где река впадала в него, пеня и мутя воды, превращая лазурь в желтизну, сливая многие и многих в одно... Капли росы... дождя... мечи, – всё, что ни попадая, сварим зелье... супчик для избранных... Чем ближе был тёмный край, окаймляющий полуостров, тем яснее были образы, от которых кровь стыла в жилах. Драконы опустились на небольшой выступ, формой похожий на ключ, перетаптываясь, как коровы на льду, едва умещаясь на этой тоненькой полоске камня. Рудра и Лурро собрали немного сухого плавника, дабы развести костёр и согреться. Пригвоздив дракона к земле повелительным взглядом, Лурро вынул его плюнуть на брёвнышки. Нейсмер послушно дыхнул огнём, понимая, что теперь есть возможность поохотиться, пока волшебники заняты своим, рыкнул на Грага, приглашая его с собой. Они удалились, оставляя людей их тайнам. Поковыривая сухой длинной палкой в костре, Лурро долго и пристально всматривался в похожие на запёкшуюся кровь подтёки лавы, оставшиеся после обильного извержения старого вулкана. Волшебник несколько раз вздохнул, будто пытался подобрать слова или отпугнуть слишком яркие воспоминания и поёживаясь на своём невысоком бревне, кашлянув, начал повествование:

– Много веков прошло с тех пор, как учитель моего учителя затворил сюда своё сердце... – Лурро, ещё раз глубоко вздохнул и исподлобья взглянул на меня

многозначительным взглядом. Поняв, что я полностью превратился во внимание, он продолжил.

– Она была прекрасна... Агата, дочь моря, и Тум, великий волшебник, они были отличной парой... той порой... Но, не успели воспеть хвалу богам в день своего супружества, как колдун под именем Фрейр, который со дня, как увидел Агату, так и не смог засунуть свои желания, куда следовало в таких случаях, он всё рассчитал. Время, когда Тум совершал прогулку на своём драконе, как и положено ещё ранёхонько утром разгоняя сонных птиц и засидевшихся богов. Колдун направил на него сильнейшую бурю, которой разможило о скалы Гора – его друга, часть жизни любого волшебника. Ударившегося головой о скалы и чудом уцелевшего, потерявшего память Тума прибило к берегу. Очнувшись, он был вынужден пребывать там, куда выкинула его десница судьбы... в лесах, пещерах... бродя из ниоткуда в никуда... в попытках восстановить все тени прошлого в некое подобие сознательного. Агата же ждала своего возлюбленного многие месяцы и годы, изо дня в день окружаемая нелепыми видениями и навязанными ей Фрейром снами, о том, как Тум там... не понятно, где, забыл о своей подруге... Но умная, мудрая и волевая, понимала, что не похоже это на её возлюбленного, не мог он просто исчезнуть, кануть в небытие, не дав весточки о себе. Агата терялась в догадках, куда мог пропасть он... в какие обстоятельства, чтобы забыть дорогу домой. Замок был пуст, все слуги, подмастерья ушли

на поиски своего хозяина и владыки! Но тщетно. Фрейр отлично владел искусством сокрытия своих тайн... Пять лет пронеслись стремглав, так и не дав ни одной зацепки, сами попробуйте найти упрятанное волшебником, даже если искомое под носом, на расстоянии вытянутой руки...

Тогда, устав сидеть и прозревать всякую дурь, Агата пустилась на поиски сама. Очень ожидаемо на неё напали, тоже мне разбойнички... прилизанные, упакованные, как праздничный натюрморт... на лошадках таких холёных, ни дать ни взять королевская рать... Но, как всегда в такие моменты, все наши глаза там же, где и мозги... ну, сами понимаете... От этих вот засланных спас её доблестный и прекрасный рыцарь – Фрейр. С тех пор сопровождавший Агату, как тень, в этом трудном походе. Снова, всё рассчитав, колдун к тому времени, когда они подошли вплотную к месту пребывания Тума, выказывая чудеса рыцарства и благородства... уродство, право слово... завоевал не только расположение, но и симпатию своей спутницы. Фрейр воспользовался её одиночеством, усыпил её бдительность и привёл к небольшой пещере. В ту ночь, расположившись прямо у входа в обиталище Тума, вогнав Агату в подобие сна, Фрейр оголил её для большей достоверности в неверности. И когда Тум, возвращаясь в своё обиталище, увидел... к сожалению или счастьем, подобному несчастью... нечистью... вспомнил всё единым мигом... узрев, как его любимая, в объятиях другого без сопротивления принимает ласки...

бросившись стремглав, прочь от воспоминаний, раздавленный увиденным в лепёшку... Агата, пробудившись от неясного забвения, оттолкнув Фрейра, в замешательстве и радости поспешила догнать любимого. Но он исчез, не дав ей возможности ничего понять, объяснить... Королева всё бежала и бежала, сломя голову, не разбирая дороги... сдирая в кровь босые ноги, оставляя на ветвях остатки одежды вперемешку с кожей... но тщетно... Маг канул в небытие... И она замолчала раз и навсегда, подчиняясь судьбе, провалившись в пустоту... Фрейр, довольный собой как никогда, увёз её в свой дворец, обучая, как тряпичную куклу, к которой вскоре и сам потерял интерес... тёмной магии, посвящая в свои тайны. Она стала тенью этого мира, умерев тогда и не ожив теперь...

Была первая война в Аджаю, в краю снегов, против яростных Северных людей, захвативших значительную часть стран и континентов. Дикие и не подчиняющиеся ни одному закону, расширяя свои границы и захватывая новые плодородные и богатые земли, они подмяли большую часть королевств. В поисках лёгкой наживы и сладкой жизни они на двигались на Юг, неся раздор, опустошение и смерть. Оставшиеся вольные страны, в попытке спастись, обратились к Туму, позвав волшебника и его учеников спасти ситуацию. Тум, недолго думая, пришёл на помощь сражавшимся за свободу. Тогда Северяне в свою очередь обратились к Фрейру, дабы снова перевес сил был на их стороне. Колдун забавы

ради с радостью принял предложение. Но по силе Тум был вне конкуренции. Не подозревая, что воюет с тем, кто разрушил жизнь его и его возлюбленной... с десятком своих подмастерьев, во главе маленькой, но сплотившейся в этой войне армии, отогнав Северян во льды, он не заметил самого страшного врага, которым стала Агата, родившая к тому времени двух сыновей Фрейру, тем самым отрезав путь к возвращению или оправданию себя... ей было всё равно, её уже не было в этом... во всём... что осталось от всего, чем была царица... И когда в последней битве Тум практически сразил Фрейра, она нанесла своему возлюбленному самый точный удар в сердце, не осознавая до конца всего происходящего... быть может, в отместку за его упёртость и упрямство, за невозможность простить, услышать, оглянуться тогда... дать ей шанс понять или объяснить... за жизнь без него... Он всё прочёл в её глазах, в которых вместе с последней каплей его жизни угасала последняя искра её человечности... Тогда он раздвинул гору, разверз прямо в этом месте и, захватив Агату с собой, протащил внутрь горы, навсегда захлопнув за собой пространство. Создал капкан для всего тёмного, чем стала его возлюбленная... До сего дня она пребывает там меж миром людей и царством духов, не простившая и не прощённая... проклятая сама же собой... обречённая на вечную...

Мы не могли сказать ни слова, боясь спугнуть все те образы, которые сиднем сидели вокруг, желая побыть во плоти

ещё немного...

За морем брезжил рассвет, небольшое судёнышко пересекало гладь спокойной утренней воды... Несколько птиц, освещённых первыми лучами восходящего яркого солнца, разлетелись в стороны, распуганные возницами, устрашающе прищелкивающими на них своими громадными массивными челюстями.

– Нам пора, мой мальчик, – сказал учитель, закрывая початую бутылку и убирая её в свою дорожную сумку

Глава 2. Тени Марры

Первый луч солнца прозвенел волной радости по усыпанным росой ветвям ранними пробудившимися голосами. Небо скромно отражало глубину девственной глади океана, необыкновенная птица, раскинув свои чёрные крылья, волоча их за собой, словно сломанные ветви, задумчиво плелась по берегу. Она всматривалась в мелкую гальку в поиске чего-то съестного после отлива. Лёгкий всплеск воды недалеко от берега насторожил её. Высоко вскинув голову на бесконечно длинной шее, она замерла в ожидании... Гладь, во-

ды, безнаказанно вспоротая, будто ножом, идеально ровным плавником, играла на солнце радугой красок. Нарада стояла окруженная стражей в синеvато-лазурных доспехах. Внезапно остановившись в самом разгаре поединка, её вечный спутник по боевым упражнениям валялся на лопатках, прикрывая один глаз тыльной стороной ладони, и хитро улыбался, понимая, что на этом битва подошла к завершению. Королева знаком приказала десятку стражников повернуться кругом. В единый миг, сбросив лёгкие доспехи и всё немнoгое остальное, что было под ними, кинулась вдогонку за плавником. С разбегу в синеву утреннего солёного, свежего... поднимая миллиарды искрящихся брызг, заныривая и исчезая под водой. Она каждый день ждала этих встреч с единственным – тем, с кем она была собой, без скорости своего ума и без слишком сильных для неё самой чувств, без страсти к экспериментам, без атрибутов власти и тяжести правления. Здесь всё было настоящим. Дельфин был её верным другом, отражением её любви к морю. Начальник Лазурной стражи отдал приказ вернуться в замок, сам снял доспехи, но оставил пару метательных ножей на голеньях. Он знал, что как минимум несколько часов пройдёт, когда его госпожа снова ступит на землю. Он восхищался ею, как и все остальные, тайно был влюблён, безнадежно и нудно... натужно... Накупавшись сам и вымыв в ручье доспехи, натёр их до блеска. Отыскав свой тайник, достал из него большой кувшин, налил в него воды из ручья, поставил на камни.

Чёрт! Подумал Марум, обнаружив, что снова и в который раз забыл огниво для костра. Он, чертыхнувшись, плюхнулся на землю. Придумывая себе занятия от скуки, стал кидать камушки в голубое и мокрое. Когда совсем надоело и это, он взял лошадей и повёл их в воду. Животные отфыркивались, не желали никаких омовений, но послушные воле своего хозяина, отдались судьбе. Привязав коней и найдя применение кувшину, отмыл их от соли. Наконец-то, ближе к обеду, показался плавник, но Нарады не было. Сильный и преданный воин почувствовал, как волна жара поднимается от ступней к голове, сразу отступая и обдавая холодом... Он вскочил, как ошпаренный, забежал по пояс в воду, пытаясь понять, что же делать, плыть ли за этой здоровенной рыбиной? Звать охрану? В этом замешательстве его резко схватили за ноги и рывком затащили под воду. Оказавшись заложником злой шутки, всё, что смог сделать бедный начальник охраны, это обезвредить своего врага, захватив за горло одной рукой и придавив ко дну. Раз это снова было битвой, то можно было позволить себе выместить все оттенки своих чувств хотя бы так. Но снова испуг погнал по венам холодную кровь, Нарада обмякла и не двигалась. Подняв её голову из воды, он только тогда увидел улыбку и оставил бестию в покое.

– Ты обелишь мои волосы раньше срока! – стараясь быть серьезным, говорил Марум, выходя из воды и неся плед и одежду, но Нарада кинулась на тёплые камни, разбрасывая тёмные после купания волосы всей их длиной вокруг себя.

– Ты можешь подождать меня чуть выше, оставь одежду, доспехи заberi. – Он постарался сдержать усмешку, но спорить не стал. Она всегда была непредсказуема, импульсивна и переменчива в своих настроениях, её склонность к одиночеству порой походила на манию. Но с королевой никто не спорит. У неё был нюх или интуиция, если что-то шло не так, укрывалось от неё, она всегда чувала, где это нечто и как найти или отбросить объяснения своим поступкам. Она догнала его уже возле Южной башни, но Марум не спускал с неё взгляда ни на миг, наученный опытом побегов, шуток... прибауток... Просто сидел и ждал. Нарада забралась в седло и, прищипорив коня, понеслась навстречу королевским обязанностям. Закрыв дверь в подземелье, Рудра направился в свою высоченную башню. Общаться с Астеей не хотелось совсем, возможно, уже давно была пора выяснить отношения и предоставить девчонке свободу от её иллюзий, но решиться на это он не мог. Это было просто ленью, ленью выяснять отношения, тратить такое драгоценное настроение на объяснение того, что уже и так давно понятно. Но промелькнуть незаметно не удалось, внизу хлопнула дверь, и лёгкие шаги засеменили по ступеням.

– Астея не сейчас, – Рудра попытался предупредить её желание разобраться во всём.

– Ты говоришь мне это уже на протяжении нескольких месяцев, одно и то же! Давай уже, поделись со мной решением, что ты мне уготовил. – Она стояла в темноте, прильнув к пе-

рилам, как всегда настороженно ожидая, что же будет. Рыжие волосы ниспадали ровными кудрями до пояса, открывая белое, забрызганное веснушками лицо. Тонкие длинные руки впились в корявые железные поручни, перебирая пальцами она впилась взглядом в лицо мага... Тяжело вздохнув, Рудра, буквально выплюнул слова в лицо подруге:

– Тебе не понравится, – в свою очередь оперевшись на перила винтовой лестницы, припёртый желанием ясности – ответил волшебник. Она всегда была отличной подругой, любовницей... не другом. Посвящена в его тайны, не в причину понимания и сохранности этих тайн, лишь щенячьей преданности и отсутствия как интереса, так и внимательности к тому, что вне его... того, кого она сама себе... ну, в общем, не того... ему просто было жаль её, всегда только жаль... Да и дому нужна была ещё одна тень, дабы он не стал совсем потусторонним...

– Астeya, я помогу тебе, но пора нам оставить друг друга в покое. Того, кого ты полюбила во мне, никогда не было, там, где ты всячески пыталась его достать, выскрести... Тебе пора увидеть мир, все его конфликты и парадоксы. Ты засиделась в одиночестве, и этот замок давно стал слишком мал для тебя. Это разговор не для лестницы, мне было необходимо время, но раз ты желаешь всего и сразу, то давай воспоём оды ясности...

– Но мы были вместе! Нам было хорошо, какое-то время... – пытаюсь спрятаться от прямоты, как будто от своры

самой же выпущенных хищников, сказала она, прячась за решёткой и косясь на него одним, синим-пресиним глазом.

– Ну, так цени его! Это было временем легкости, когда мы ещё не видели иных развитий наших судеб. Уходя в претензию, ты захлопываешь дверь лёгкости и искренности. Ты можешь жить здесь столько, сколько необходимо, дабы разобрать скелеты в шкафу... свои, мои не примерять... или лелеять надежду, что всё будет так, как раньше... но реальность всё равно задавит тебя натиском того, от чего ты желаешь избавиться... или я, или мы... Время перемен припёрло нас к стене... Ты всегда останешься мне... – он собрал всю тактичность в кулак и процедил: – родным и близким человеком... Я не гоню тебя... Но я предлагаю тебе поехать к тётке в Стару и понять, чем ты желаешь заниматься – сама, вне меня! Как найдёшь, я пойму, если ты не захочешь видеть меня, ты знаешь моего поверенного, он воплотит все твои мечты в реальность...

– Посмотрел, как она поняла, осела ли в ней такая желанная правда... Думал Рудра, не отводя взгляд от синих, поедających каждое слово глаз.

– Общайся с одноклассниками, не лезь в сообщества, дабы не потерять себя, тем более в религию. Помни, в фанатизме нет роста, старайся не привязываться к тому, чего не понимаешь. – Он спустился на несколько ступеней вниз и нежно поцеловал её в лоб. Астеея стояла, понимая, что давно уже слышала этот разговор, всегда знала, что будет

именно так... Неизбежность! Безысходность! Слезы показывать не хотелось ни за что... Но далеко в глубине души наступило долгожданное спокойствие, облегчение... Как будто стена, эта проклятая стена фальши спала, самоустранилась... и осталась только голая, ничем не прикрытая пустота... Желая сохранить хоть каплю достоинства, она побежала вниз, не оглядываясь...

— Астeya, — она остановилась, сердце колотилось, готовое выпрыгнуть и покатиться по ступеням... вся обратилась в слух, — всё так, как необходимо. — Его голос эхом раздробил последнюю надежду...

— Это нужно для нашего развития. Мы лишь спицы в колесе времени, ты ещё вспомнишь меня с улыбкой и воздашь хвалу богам за то, что развели нас в разные стороны...

Он поднялся в свою комнату, маленькую, ровную, чистую... залитую светом со всех сторон. В углу стояла узкая кровать, больше похожая на перевёрнутый ящик или гроб. Два стола у окон, один повыше и со стулом без спинки, второй немного пониже с удобным, мягким полукреслом. Было видно, что человек, живущий здесь, много работает, читает, пишет. Всё было создано с тем условием, дабы не отвлекаться на тело, когда мозг находится в полёте. Небольшой камин, изысканно выложенный крупными камнями, мельчающими, по восхождению вверх, больше похожими на пузырьки, чем на каменную кладку. И полки с книгами, свитками, всякими бутылками, пузырьками, бутылочками... Книги были везде,

занимая шкафы сообразно размерам и годам, а также соответственно содержимому, были аккуратно сложены или расставлены. Рудра подошёл к небольшому треугольнику на стене, вставленному внутрь квадрата, надавил сначала на треугольник, а когда квадрат выполз на него, потянул на себя, как рычаг. Стена отошла в сторону, открывая небольшую кладовку, переходящую в потайной выход обратно в подвал. Тут тоже всё было довольно упорядочено, все предметы, с вышколенной безупречностью, знали свои места, имея привычку расставляться по ним сами. Ничего не замечая, точно зная, что ему необходимо, Рудра достал маленький свёрток и коробочку с зелёным порошком, серебряную шкатулку с несколькими изящно вставленными в неё камнями. Захватив ещё пару свитков и тяжёлый, уникальной работы меч, вышел, закрыв за собой дверь. Он сел за стол, развязал мешочек и стал пересыпать содержимое в шкатулку, добрая половина просыпалась на стол... Чертыхаясь, он собрал порошок обратно. Прояснение отношений с Астеей расслабило, буквально размазало сонливостью, заменяя беспокойство опустошенностью, но состояние значительно улучшилось, прояснилось, хотя чувствовал себя маг долбаным злодеем, обольстившим ребёнка и, удовлетворив любопытство, сославшим его в тартатары, с глаз своих. Голова стала легче, освободив место для нового. Но новое пока не приходило. Он устал. Отложив шкатулку и задёрнув окна платками, завалился на своё узенькое ложе, улетев в сон без сновидений

и призраков.

Глава 3. Выгода

Проклятая выгода, все променяли честь и честность на выгоду! Что же там осталось, в этом червивом нутре? Что там ещё есть, неужели душа? Выгода! И паразиты! Всегда вместе, всегда рядом, вместилище гнили и тления, не достойные коснуться даже пепла костра... Она знала, что неправда, и они лишь проявляют заботу о её же государстве, возможно, конечно, и о себе не забывают. А что, почему бы и нет? Жажда наживы – неотъемлемая часть государственных служащих, а иначе зачем? Работа такая... с пристрастием! Но Нарада продолжала бушевать, раззадориваясь своей свободолюбивой натурой, не терпящей оказываться припёртой какой-нибудь неизбежностью в угол. Королевство кривых зеркал. Свобода, якобы дарованная королям, вынуждает платить непомерную цену несвободы на каждом шагу... Кому нужна эта нелепая власть, обязывающая целую жизнь проводить в тесноте чужого присутствия, покровительства некоего «мужа», который даже не знает тебя и скорее всего никогда не узнает! Вся эта треклятая жажда власти, войны, воины, мужья! Кому это необходимо? Кто сказал, что только так можно достигнуть целостности? Королевство требует короля, они так и сказали мне на совете Двенадцати. Что я не могу управлять таким огромным царством в одиночку в это нестабильное время, ей нужна опора, а королевству за-

конные наследники... говорили они, кивая головами. И они все надеются на её мудрость и здравый смысл, которого она в принципе лишена (по умолчанию). Последнее было уже её личным выводом о самой себе. Каждый надеялся, что есть возможность оказаться как раз тем, кто может занять эту вакансию... Как бы не так! Пусть облизываются, взирая кто на золото, кто на саму королеву, пуская слюни в пол. Даже её наставник мудрец Мильгард, в глубине души понимая её, всё равно был солидарен в этом со жрецами и советниками. Ну, держитесь! Она, во-первых, придумает такое испытание, из которого вряд ли кто-либо добредёт до своей цели. А во-вторых, сделает то, что не удавалось никому: заключит союз с Севером, у неё будет время, как минимум год, чтобы придумать выход. Всем остальным она сказала, что примет это к сведению и найдёт решение, которое устроит всех, в течение этого месяца. Взбегая по винтовой лестнице в свой укромный уголок, минуя неимоверно огромные для неё царские покои, захлопнув дверь, она с удовольствием плюхнулась на небольшую софу в углу комнатки в самой высокой башне своего замка. Здесь всё отражало её внутренний мир, обдавая тишиной и таким сладостным одиночеством. В дверь тихо поскреблись, никто, кроме её наставника, не смел приблизиться к этому «тайному» обиталищу.

– Я знал, что могу найти тебя здесь. – Улыбаясь своей детской доброй улыбкой, просунувшись в щель двери, как сухая длинная тень, шёпотом сказал Мильгард.

– Предвидела, что ты так и не оставишь меня наедине с собой, – возвращая ему улыбку и переворачиваясь на спину, ответила Нарада.

– Заходи, садись мой мудрый друг. – Старец зашёл, затворя за собой дверь.

– Понимаю, что не смогу избежать этого растрления, называемого союзом, и что наивно мечтать о чуде, чтобы меня просто оставили в покое, но прошу лишь об одном: испытаниях духа, плоти и ума. И ты мне поможешь изобрести, выдумать то, что отвратит многих и оставит мудрых и сильных – тех, с кем можно договориться... Каждый раз, чувствуя боль в груди, я так искренне надеюсь, что умираю! Что то, что там, за чертой, спасёт меня от этих бесконечных попыток проверять себя на прочность, а этот мир – на точки крепления к реальности! Что вместе с последним звуком уйдёт эта невыносимая боль давления мира на мою чувственность!.. И никуда не деться! Никуда не сбежать! Всё в моей голове, поедающей, пожирающей самоё себя, без надежды на передышку! С каждой новой проработкой, вспоротой бессонными ночами и бесконечными днями, частичкой ясности, ещё яростней по своей силе... впиваются в моё слабое сознание вопросы без ответов... подлинность и близость всех тех миров и сил, кои я чувствую! Никогда не вижу, но чувствую! Решение так близко, так ярко... всего на короткий миг... затем ответов всё больше, но это множит вопросы с бешеной скоростью, заставляя идти дальше, погружать-

ся глубже, это требует всего моего внимания! Всего времени! Какое замужество! Я только подошла к краю, и мои руки превращаются в крылья, я пока не уверена в реальности происходящего, но уже готова сделать шаг в неизвестное...

– Ты ещё дитя! Мудрое, с сокрытыми внутри тебя знаниями... Слабое сознание – это не про тебя, моя дорогая Нарада. Эти новые пути дадут больше силы и понимания, в которых нужно разбираться медленно, болезненно и тяжело. Ты не одна! Это не проклятие, а дар, бесценный дар живого ума, здоровых эмоций и твоя жажда смерти, лишь отражение твоей дикой жажды жизни. Он потёр руки, пытаясь согреться, солнечные лучи уже не так ласкали его дряблую кожу... Он встал и подошёл к окну, заинтересовавшись белёсой птицей, парившей над океаном... Нарада, тоже легко преодолев небольшое пространство комнаты, прильнула к подоконнику, любуясь полётом свободного создания. Так плавно и нежно птица поглаживала потоки тёплого воздуха, паря вслед за своими желаниями... Нарада, улыбаясь запаху свободы крылатой, тоже раскинула руки и вытянулась во весь рост, поглощённая сильным желанием последовать за ней... Откуда ни возьмись сверху чёрным камнем, огромным орлом на птицу бросилась смерть... издав отчаянный крик и пытаясь зацепиться крыльями за невесомость, птица тяжело упала в воду, ломая свои нежные перья о ставшую твердыней синь... подхваченная когтистыми лапами и ещё силясь вырваться из неизбежности, через мгновение сми-

ренно повисла в этих лапах... Нарада вздрогнула и отвернулась. Для нее эта картина была вечным спутником видений и снов... перья, крики... камни... хищники... сдержав стон она, пошатываясь, села на постель и закрыла лицо руками. Стало немного легче...

– Нам не суждено отвернуться от судьбы, она уже в нас с самого рождения, но мы можем постараться сделать всё возможное, прежде чем смириться с неизбежным... – Он погладил её по голове своей костлявой рукой и долго сидел рядом, пока она не уснула... знать и не сказать, не предупредить... вечная мука тех, кто прозревает бушующее, – есть не возможность его изменить и предательство к тем кого можно предупредить... не раскрывая тайну смерти... жизни... знание самая тяжелая ноша...

Они проснулись одновременно от собственного крика, с трудом выскочив каждый из одного разделенного на двоих сна, разнесённого судьбой в стороны одного королевства. Не сговариваясь, распахнули окна своих тёмных высоких башен, заглушая образы видений свежей прохладой ускользающей ночи. Луна уже не висела в небе как цель для стрелы сознания, всегда притягивающая внимание, захватывая его, не разбираясь в необходимости захваченного: «авось пригодится»... Рудра подошёл к ночному столику и налил себе из небольшого бочонка стакан воды, выпив его залпом, растёр по шее оставшиеся несколько капель, подняв лицо к зеркалу, он вздрогнул, увидев в нём блёклое отражение

Нарады... Отпрыгнув от неожиданности и сжав до невозможного глаза... протёр, снова осторожно взглянул в зеркало... но увидел только свои бешено горящие зрачки... Наваждение, подумал он. Птица... эта чёртова птица не давала ему покоя, уже который год пробуждая его своим человеческим, до боли знакомым криком... веля бежать сломя голову и прятать её в песок, в стену, в... куда угодно, только бы не видеть этих грустных человеческих глаз... крови на своих руках... Чьей крови? Своей... он так надеялся, что своей! Почему-то эта надежда была самой главной, основным звеном его сна...

Нарада, налив себе воды из кувшина, стоящего возле кровати, потёрла всегда ноющий после такого сновидения бок – чуть ниже сердца, прямо меж ребрами была невыносимая боль и вкус крови, её металл на языке... Крик... такой похожий на тот вчерашней убитой птицы... Иногда она видела, как парит над тёмным лесом, высоко-высоко... над длинными реками-венами, скалистыми утёсами, уходящими пиками ввысь, вваливаясь в прохладную невесомость... силясь упорхнуть в новые невиданные земли... раскинув свои лёгкие крылья, разрезая ими тяжёлые, густые облака... Этот сон преследует её уже не один год, а птицы всегда вызывают трепет и восхищение... страх...

Она легко спрыгнула с подоконника и, подойдя к умывальнику, плеснула на лицо водой. Бросив мимолётный взгляд на своё отражение в зеркале, она увидела лицо Руд-

ры... его горящие глаза... сердце затрепетало и упало на пол, разбрызгивая трепетом в стороны... Сильно зажмурившись, она медленно открыла глаза, увидев лишь своё бледное, напуганное отражение... Наваждение...

Глава 4. Свобода выбора

– Оседлай мне коня, – отдала приказ Нарада начальнику охраны. Воин был обходителен и вежлив, но наотрез отказался отпускать королеву без охраны.

– Мы не можем себе позволить, моя королева, даже ограничивая ваши желания, – его лазурные доспехи сверкали, отражая утреннее красное солнце, сильно ударяя светом по невыспавшимся зрачкам королевы. Нарада уже была готова разгневаться, но вовремя подоспевший Мильгард взял на себя решение конфликтной ситуации.

– Я думаю, что нам неплохо было бы пройтись по лесу к морю, вы можете сопровождать нас, – обращаясь к начальнику охраны, произнёс старец, – но на небольшом расстоянии, нам с царицей необходимо поговорить о предстоящем испытании, – Мильгард, как всегда улыбаясь своей детской улыбкой, почтительно кивнул Нараде.

– Отлично, я буду готова через четверть часа, – удаляясь, кинула она через плечо. Кони были прекрасны, её гнедой, его каурый... Шли рядом легкой и мягкой рысью. Выйдя на прямую, они отдали поводья, пришпорив коней под бока, понеслись по мягкой траве, разбивая пушистые одуванчики, распуская мелкую живность... Было ощущение, что обернёшься, а у них, лошадей, – крылья! Крылатые пегасы, как драконы, —возничьи волшебников... Говорят, давно вымер-

ли, по крайней мере не видать их человеческими глазами, не верят они людям... канули в небытие... Лошади храпели и несли, заводя друг друга, как будто слыша её мысли и желая взлететь...

Небольшой отряд во главе с Марумом грациозно скакал позади на почтительном расстоянии, всегда готовый ускориться, сократив этот промежуток. Лошади перешли на рысь, затем на шаг... восстанавливали дыхание, улыбались, каждый ловя свои эмоции и восторги. Мильгард был уже не тем сияющим, мощным старцем, которому и море по колено, и горы по плечо... То ли горы подросли, то ли моря вышли из берегов, то ли время неумолимо сочилось из разбитого кувшина Каллы, отливая наши ограниченные пути, проходящие сквозь эту вселенную, омывая нас жизнью, оставляя все оттенки эмоций нам – на вечную, но такую ветреную память-предательницу...

– Ты задумчив сегодня, отец... – она так любила называть его отцом, своих родителей она не помнила, была война, и они погибли, защищая замок от очередных завоевателей. Мильгард всегда так старательно опускал тему разговора о её семье, что Нарада давно перестала настаивать на рассказе о своих предках, довольствуясь общедоступной для всего королевства информацией. Да, Вейрани была землёй чудес, лакомым кусочком, на который у многих выделялась слюна, но все прикусывали себе язык. Это была единственная страна, где творческим личностям, поэтам и худож-

никам помогали вырасти и заниматься своим призванием. Учёным не было необходимости прятаться и скрывать свои изобретения в тёмных подвалах или высоких башнях невежества. Волшебники, колдуны, художники и музыканты полностью обеспечивались всем необходимым, а за выдающиеся свои качества и изобретения получали премии и средства на проекты, книги и эксперименты. В своё время король Лирак построил множество пансионатов для разного рода занятий, обеспечивая юные дарования всем необходимым. Король ценил науку и чистый ум превыше всего остального... Достаток, воля и честь обеспечивали сие королевство благодатью и благородством. Своим личным примером показывая, что деньги – лишь средство, король не только обрёл много друзей, но и снискал не меньше завистников и противников. Денег с налогов всегда хватало на всё, даже на содержание армии, но военные технологии не так сильно интересовали короля, как наука и магия. Воровать-то подворывали, но боясь наказания, делали это не так открыто, а те, кто переусердствовал, высыпались из страны, как песок из телеги, причём родственникам высленцев позволялось поступать по своему усмотрению. Некое подобие утопии, но каким-то нелепым образом прижившееся в этом королевстве. Король и все министры, жрецы всегда ясно осознавали, что когда-нибудь этому придёт конец, но старались делать всё, что в их силах, чтобы продлить это время благодати. Бесчисленные войны унесли многих прекрасных лю-

дей, но пока светлые умы стояли на страже града, перевес сил оказывался на стороне Вейрани – королевства мечты! Легенды, всё ещё живущей среди нас. К сожалению, воинов здесь было меньше, чем мудрецов и романтиков, стекавших сюда в стремлении быть признанными и распознанными в своих исканиях. – Мильгард, скажи мне, что отражает душу человека? Что проявляет его на земле? Что помогает обрести покой?

Старик улыбнулся светлой улыбкой, ответил:

– Так много вопросов, но не тех, что внутри... – он хитро посмотрел на нее исподлобья,

– Я думаю, что это его дела... Нарада, его стремление к самореализации, свободе... всё лишь инструменты для огранки нашего духа... Но не это гложет тебя, ведь так? Ты скажи мне, что хочешь ты увидеть, и я помогу тебе понять, как это сделать.

– Я сама не знаю, что хочу увидеть, но точно осознаю, что пойму, как только увижу... или нет... Всё, чего я желаю, это понять своё предназначение... понять, кто и для чего, зачем... как и многие другие, если не все... Неужели королевство и заботы о нём мое единственное предназначение? А замужество единственный путь...

– Моя королева твой вопрос застрял у тебя внутри и когда ты задашь именно его, почувствуешь, что ответ там же где и вопрос, это путь сердца. Но тебе нужно думать не о себе. К сожалению или к счастью, ты рождена в тех, необходимых

только тебе условиях... и ты не можешь устроить состязания, основываясь на «покажите мне то, не знаю, что», или «помогите мне найти себя, тогда выйду за вас». – Смеясь, внимательно смотрел на королеву старец. – Ты мудрец, вот ты и скажи мне, что я должна сделать, чтобы увидеть чистый дух и пылливый ум, благородство и чистоту... – Сочетания этих качеств, увы, редки, но не в нашем королевстве, здесь загвоздка, ты единственная королева, и короля или принца придётся приглашать из стран заморских. Это-то тебя и пугает, моя дорогая! Ты наслышана о дикости и варварстве, жестокости людей из-за моря, да так ли это? Какие они и чем живут? Возможно твой путь, есть соединение Севера и Юга?

– Мне кажется, что я видела то... то, о чём говорю, но боюсь себе в этом сознаться... – задумчиво произнесла вслух Нарада. Старец внимательно посмотрел на неё ещё раз. Взгляд королевы соскользнул и упёрся в Маяк...

– Вот теперь это похоже на правду, – грустно сказал Мильгард, – но ты не можешь так поступить с королевством, мы знаем, что тратя огромные деньги на образование страны, мы довольно скупы на оборону. Да, наши воины прекрасно подготовлены и у нас множество изобретений, заменяющих армию, но придёт тот, о кого даже мы разобьём свои головы. Подлость! Моя королева, на этом всё величие мира ломало свои ровные зубки, а предательство разрушало целые вселенные... Помни одно, всё, что мы делаем, предназначено лишь для огранки наших душ! – Но как можно

пройти жизнь с тем, что не приносит радости нового дня? Как быть с тем, непонятно кем, когда стоит только протянуть руку, и там твоё отражение, половинка твоей души! – Ты, мы целостны по своей природе, но также склонны к самообману, выдавая желаемое за действительное, создавая видимость пустоты или пытаясь включить в свою целостность кого-то ещё – это самая глупая иллюзия. Здоровые отношения начинаются с целостности, всё остальное только попытка достичь желаемой гармонии без работы над собой, а так не бывает. Всё есть труд, и отношения между мужчиной и женщиной – один из самых тяжёлых... Но ты права, когда такой выбор был у меня, жизни с чуждым мне по духу существом, хотя и любимым, я предпочёл одиночество ордена. Я так и не понял до сего дня, страстью была моя любовь или всё же бессмертным чувством?! – Он так же, как и всегда, когда не мог ей помочь, потёр свои сухие, словно старые ветви, руки, пытаясь согреться. – Ты можешь провести с ним как можно больше времени или больше никогда его не видеть... смотри сама, как будет лучше для тебя, моя королева. Он галантно поклонился, оставив её у дверей Маяка... Охрана остановилась поодаль, вняв знаку его руки ждать. «Я бродила вокруг Маяка, не понимая, какую причину можно использовать для приезда королевы к нему? И если я начну с уловок, то всё остальное станет приторно мерзким, липким и никчёмным! Оно спрячет то, для чего я пришла, да и нет у меня времени, которое так необходимо ему, дабы

разобраться в себе, тем более во мне». Она подошла к большой книге записей, раскрытой на полуисписанной странице и, поддаваясь порыву, стала писать маленьким и тупым карандашом, стараясь не думать, лишь изливать вне касания разума то, что есть: «Не могу себе позволить показать то, скрытое, возможно даже от себя, да, от себя в первую очередь... Любое желание рядом с тобой очень контролируемо, просчитано, чтобы не пробудить в себе то, что действительно – стремиться к тебе! Я так боюсь боли расставания, что гоню встречу прочь... Ещё я боюсь, что не смогу расстаться с тобой, а причины к этому всегда будут у таких полярностей, как мы... Я всегда любила тебя, ждала, не видя, не зная, но ясно чуя, что своё узнаваемо в любом облики... Просто не понимаю теперь, как совладать со всеми этими... огромными... слишком сильными для меня... Я не прошу ничего такого, что ты не можешь мне дать, и не предлагаю того, чего не смог бы принять ты... Не желаю никаких обещаний, клятв. Мы никогда не говорили об этом! Ты никогда не знал, насколько я старалась погасить... или знал?... вытравить всю человечность, только бы перестать чувствовать эту силу притяжения... Почему мы не остаёмся рядом с теми, кто готов быть рядом или не готов?... неважно, сколько и как продлится наше время... но проведи его со мной». Она оставила книгу открытой и сломя голову вылетела прочь, отбывая у удивлённого старца коня, без единого звука запрыгивая в седло, с красными пятнами на щеках, безумно горящи-

ми глазами... никому! Такого не пожелаешь! Бешеная королева унеслась в свою башню, чертыхаясь и сбивая всё и всех на своём пути...

Глава 5. Кусок пирога

Фрейр принял послание лично. Сыновья были на охоте, и можно было не делиться новостями... всё вкусненькое самому... Небрежно отковыряв печать, которую, видимо, ставили в спешке, и половина бумаги была испачкана растекшимся сургучом. Он вышел в средних размеров холл, ведущий на громадный балкон, весь уставленный цветами и большими кувшинами – красиво, сладенько, но много... очень много... Плюхнувшись на софу в предвкушении, оттягивая удовольствие, налил себе бокал густого красного вина, он уже знал, что в письме то единственное, такое долгожданное, которое изменит это его унылое одиночество на краю земли в густых лесах, вне почестей и его любимых ролевых игр, в которые волей-неволей попадали все без разбора. Отставив бокал в сторону, он нагнулся и поднял упавшее в его задумчивости письмо и уставившись на буквы, лишь для подтверждения догадки, растёкся в торжествующей улыбке. «Ей нужен король», – гласила записка. Теперь всё зависело только от него и его правильных, чётко продуманных действий. Какой король мне подойдёт, Какой король ей вырвет душу, Из пасти девы вынет нож

И станет нам потом не нужен...

Насвистывая, пританцовывал колдун, распивая вино, с самодовольной улыбкой скакал вдоль своего греческого балко-

на, заставленного слишком большим количеством ваз и кувшинов... — Слишком много... — подумал волшебник, — слишком много всего... мне предстоит...

Рудра спускался, откликнувшись не столько на звук, сколько на ощущение чьего-то присутствия. Он видел и чувствовал каждую пылинку своего убежища... будто обладая щупальцами, упирающимися в любую стену, шкаф, всякую деталь дома, отвечающими ему взаимной связью и сохранностью порядка... Этим кем-то был не Лурро — старик был вполне самодостаточным, знал все входы и выходы, в особенности расположение погреба с вином и запасами сыра. Нет это был не он... Драконы днём спали, не выносили жару и солнце воспринимали только ближе к закату или на рассвете... Спускаясь по ступеням, он, вспомнив Астею, сразу отмёл эту мысль: девчонка сразу сбежала, только пятки сверкали... Миновав прозрачную полукруглую залу, он направился к двери, ведущей на обзорную площадку, заставляя себя не бежать в трепетном поднятии духа, да и приподнятого настроения... Улыбаясь, как дурак... стоял и смотрел сквозь всё остальное на белые бумажные страницы, покрытые неровным детским почерком... в голове пульсировали целый ряд железных дровосеков, не давая возможности собрать их всех и выкинуть разом... ну чтоб не задолбали окончательно... Очень осторожно, удручённый опытом исчезновений увиденного самым обычным, волшебным об-

разом, он легонько потрогал страницу, потёр меж пальцами и перелистнул. С обратной стороны ничего не было... Со-
всем пусто, зато эта блестела серым карандашом и бликами
чужих чувств... «Ты ещё понюхай», – он попытался разря-
дить сам себе обстановку, а юмором можно как раз прикрыть
те места, что так нелепо открылись и выпирают наготой... –
Да давай, уже читай, – снова сам себе сказал он почему-то
вслух...

Дочитал всё и потом перечитал ещё и ещё. Не тупой...
подумал Рудра, яснее ясного, всё просто... но как же это
могло так случиться, и что теперь ему с этим делать? Пой-
ти к ней? Написать ответ? Отправить? С её болезненным
восприятием реальности, возможно, это ненадолго, и может,
ему всё-таки удастся не влипнуть в неё настолько, чтобы по-
том стало тесно и тошно от этой тесноты, когда ты уже со-
всем на ты... Есть не хотелось совсем, да и к занятиям ин-
терес как-то поубавился, перетёк в другой конец королев-
ства, ломая все мосты и границы, унося в наваждения, давя
изящными возможностями... Кидаясь картинами, от кото-
рых не до сна... да и какой сон утром...

День прошёл в забытии, книги занимали всего на несколь-
ко неровных минут... Работа с новым порошком для со-
крытия предметов не шла... они исчезали всего на мгнове-
ние, потом появлялись снова в разных местах, мигая и за-
игрывая, тыча в него нелепостью форм и цветов... Спуска-
ясь в пещеру, чтобы отпустить драконов на вечернюю охо-

ту, он несколько раз не вошёл в дверной проём, больно ударившись головой о реальность стен, чертыхаясь и смеясь сам над собой... Не найдя ни драконов, ни старца, вернулся наверх. Скорей бы ночь! Может, сегодня удастся уснуть не утром, подумал волшебник, выбирая в таком огромном количестве комнат укромный уголок. Но сон предательски сбежал и забился в щель, из которой его уже не было возможности ни выманить, ни достать. Вдобавок ко всему все сегодняшние эксперименты взорвались, обдав гарью и смогом и так совсем не белые стены... Так и заснул ничком в своём гробу-постели, в единственном месте, где он мог спрятаться, не ощущая удушливый вкус серы, распространившийся по замку, как эпидемия...

Утро пробудило чередой новых звуков, заставляя резко прийти в себя, забывая ночные видения... Солнце жарило уже вовсю, давя жарой на лень. Выйдя на балкон, Рудра заметил несколько блестящих лазурью спин, это напрочь прогнало сон и, схватив простыню, потом немного подумав, отбросив её, прыгая то на одной, то на другой ноге, ему удалось вскочить в штаны. Ладно! Дыши! Всё так, как необходимо... тому, кому это необходимо... кому это все?.. Жил себе, никого не трогал, ни с кем не дружил, никого в гости не звал, сам по гостям не таскался... Читал умные книжки, изучал магию и волшебство... разъезжал на драконах по ночам... Вино густое с мудрецами попивал... А тут вот, нате, возьмите и владейте, ни в чём себе не отказывайте,

только вовремя верните... Сбежав вниз и застёгивая на ходу рубашку, в этот раз он лишь открыл книгу и пробежался по играющим, зазывающим строчкам... Пригладив несколько раз неровно остриженные, срезанные как будто ножом волосы... мага снова поглотило пространство чужого мира эмоций...

«Пространство решило коснуться меня тобой... и я искренне имею надежду не разнести себя и всех кто рядом силой своих эмоций... Это теперь не убивает меня... учит, направляет, без захлёбывания, без паники... Настоящее притягивает внимание, чтобы полностью поглотить моментом, затем схлопнуться в ничто и нигде... Это чувство протаскивает сквозь игольное ушко, запирая чуждое моей природе, вынуждая своей узостью расставаться со всем неизжитым, проживая всё с непрерывной быстротечностью потока, становясь им самой и перенимая текучесть воды... Я стала водой, растворилась в ней с полной осознанностью в этой отдаче... Ясность уже не прельщает меня... да и самозацикленность тоже... Нечто изнутри выталкивает, рвется попирая... смехом над своими жалкими попытками познать, вдумчиво понять... чувства, оставляя на коже капли росы нового сознания... Эта битва проиграна, но и победа, и поражение уже утонули в безразличии... Любовь... без иллюзий... самодостаточна в своей целостности... Теперь она течёт мною в мир... «Понимая, что эти письма пока исключают ответы, они, как сказала она, «самодостаточны», «целост-

ны»... тогда какого... она разбрасывается звуками по лесу, чувствами по бумаге, будя во мне любопытство... желания... Рисанула меня героем своих историй, даже не спросила! А хочешь ли? Позволишь в тебя поиграть? Нет, сказала, будешь лошадкой, вот те на... и ломает же, ей богу! Деревянную лошадку ломает... Рудра усмехался, как мальчишка, своей безрассудности при всем при этом. Он решил не решать, плыть... Давно не было историй в его полусонном, в последнее время выстроенном до противной точности сознании. Видимо, это и есть возможность переключить внимание... Хотя, как себя ни обманывай, чувства всё-таки били через край старой, выдавшей виды лодки, не считаясь с тем, что, в молодом сильном теле жил цинизм трёхсотлетнего мага-волшебника... По крайней мере, так казалось ученику чародея, так он насчитал, накидал себе карту местности... прикрыл душу, да только листочками

фиговыми... Каждое слово Нарады было наполнено силой, запахом, вкусом, формой... заставляя читателя полностью пребывать в её мыслях, как в облаке, как во сне, погружаясь в чистые эмоции и такие же ощущения... Всё! Для меня, пожалуй, хватит на эти пару дней образов и видений... Наконец-то удачно и без потерь, попав в свою комнату, в которую редко заглядывал, узря порядок сей, подумал, что пора позвать из деревни пару мамушек или ребят? Кто безопаснее? Но чистоту всё-таки нужно поддерживать... Взяв с собой тёплые вещи и пристегнув к ногам

несколько ножей, он спустился вниз, к ходу в подвал, затем, немного помявшись, вернулся и прихватил еды, колчан со стрелами и лук. Спустившись в погреб, к которому было несколько входов, в том числе из подземелья, он взял головку сыра и пару бутылей вина. Сумка оказалась вместительной, тем более он знал, что если не все, то одна уж точно проследует в суму наставника. – Ты снова химичишь, – заглядывая в слабо освещенную, довольно обширную массивную залу, улыбаясь, нерешительно начал разговор Рудра.

– Вот тут подумал, может, слетаем на тот остров, побудем в старых пещерах пару-тройку дней...

– Можно найти занятие если не поинтересней, то хотя бы поважней! Но для начала я с удовольствием поостыну в пещерах у Рисерда. – Не отрываясь от длинного папируса, ответил старец.

– А что за идеи постигли тебя этим утром? – подходя ближе к ретортам и тиглям, спросил учителя Рудра.

– Ты не закончил? Тут можно ещё подержать и положить немного серы, или это не то, о чём я думаю?

– Я не закончил, и, да, добавь – там, в углу, на столе лежит ровное количество в мерной банке, кинь туда всё... Тебе нужен ученик, подмастерье. Верный, одинокий, сирота! Желательно, пока не обиженный этим миром... – не с того не с сего бросил словами, как костью в глаз Лурро, озадачив Рудру и в буквальном смысле вытеснив все остальные мысли, на задний план.

– Добавил? Пойдём! – Вынимая из сумы бутылку и сыр, лукаво посмотрел на волшебника Лурро.

– Она приходила?

– Да.

– Что хочет?

– Думаю, сама пока не знает.

– А ты знаешь?

– Боюсь, что нет, учитель, боюсь, что нет!

Выйдя через верх, дабы не промочить припасы, волшебники спустились к берегу, любуясь валяющимися на мелководье Грагом и Нейсмером. Драконы, перекатываясь и меняя окраску, как хамелеоны, казались просто котятками, но заигрывать с такими вот кошечками никто бы не стал. День выдался облачным, так что ожидать вечера не пришлось.

Глава 6. Демоны...

Самый преданный и исполнительный работник – это тот, который думает, что работает на себя. Фрейр уже пару дней корпел над картами королевств, весь в гербовых бумагах, словно в гербарии. Гульмар и Гейрред, боже, это ж надо так назвать детей, тоже мне, «двое из ларца, одинаковых с лица», пришли по первому зову родителя и смиренно ждали в углу. Здоровые детины с тупым спокойствием и абсолютной отрешённостью. Их как будто не существовало в этом мире, ходили теньями, вечно вместе, всегда рядом, ни дать ни взять сиамские близнецы. Переняли, приняли, как эстафету, эту гнусную отрешенность от жизни, ещё при ней... при жизни... от матери... Красивые, резные, точеные, пиши картины, художник, не прогадаешь! Парни, ликом подобные богам!

– Ну что, ребяташки, поможете папке? – Фрейр, упершись в долгое молчание, оторвался от карт и внимательно посмотрел на «ребятишек». Они стояли, насупившись, но, видимо, с чётким намерением сказать нечто важное... Переминаясь с ноги на ногу, с упрямством во взгляде, хорошо не хором все-таки вымолвили:

– Мы бы хотели податься на... Юг, – твёрдо, басом сказал Гейрред, зная о том, как слово Вейрани действует – тряпка красная на быка. И Вейрани решили заменить просто Югом.

– Мы бы хотели, – ещё раз повторил слова брата Гульмар, – к людям. Там много возможностей, да и сверстников. Нам нужно образование... общение... – Фрейр внимательно посмотрел на них, понимая, что планы немного рушатся, он как раз хотел их отправить в Северные страны с заданием, но тем не менее туда отослать кого-то ещё тоже имеется возможность. А вот ребятишек можно будет подёргивать за нити-ниточки, родственнички как-никак... Но для пущей правдивости метнул из глаз по молнии: колдун папка всё-таки как ни крути...

– Пспели ягодки... ладно! Я отпущу вас, но с условием: писать мне обо всём, что происходит там... с вами и отвечать мне по первому зову. Братья недоуменно переглянулись, но виду не подали, они ожидали нечто большее, чем искры... ягодки... но решили подождать с последствиями, зная папкину любовь к играм, решили не временить с отъездом, а то, небось, надумает чего недоброго, уноси ноги да беги без оглядки, пока не припахали к чему тёмному... игр ещё будет вдоволь...

Нарада ходила эти несколько дней сама не своя: неясное предчувствие нового захватило всё её внимание, волнами расплываясь по венам и предательски откатывая в самый нужный момент... не только в сказочной неге, в тёплых тонах, но и предчувствием катастрофы, чего-то страшного и неизбежного, теньями слонялись за ней странные видения, заглядывая пустотой своих несостоявшихся... но только по-

ка... Маяк притягивал всё внимание, тащил, подтаскивал, крепче сжимая тиски восприятия в одну малюсенькую точку... Демоны! Целая стая демонов нашла цель и с наслаждением наблюдала за этой её битвой с самой собой... Она боялась, боялась привязанностей больше всего остального... боялась так не вовремя потерять голову, это ж надо... Металась, как рыба в банке... а причина была проста – его не было в замке уже несколько дней, это лишало возможности дышать, вышибало почву из-под ног и рассеивало внимание...

Каждую непроходимую в своих запутанных, витиеватых путях ночь я умираю, захлебываясь своими чувствами, их силой и глубиной, а новое утро приносит облегчение, рождение самой себя, плевком из подсознания в это совершенно неприемлемое, совсем не тёплое и крайне неудобное... Как феникс, забывая все моменты ночных прозрений и мудрого приятия... Оголяя тёмную сторону себя, утренними лучами освещая тени, ускользающие в разные щели... Тело раньше не успевало за метаморфозами духа, теперь бежит вприпрыжку, скачет камушком по воде... Немного страшно, что то, куда я стремлюсь, будет слишком сладко, чисто, приторно до тошноты, тесноты... Мир, лишённый теней, мир без предметов... пустота... Страшно, становясь этой пустотой, смотреть из неё на мир... для меня нормально... для неё нет... той, что прячется за меня, всегда прячется и всего боится... Высунет то пальчик, то ручку, шейку свою тонюсенькую вытянет, а на ней... бестолковая го-

лова, тяжёлая и острая, ни дать ни взять дрова колоть в самый раз... и вот толкает всегда, чтобы летело всё и гудело, двигалось... Последствиями давитесь сами... толкнёт, отойдёт в сторону, посмотрит, а я оттормозиться уже не могу, лечу с горы... без тормозов и ориентиров. Убивая в себе человека, пока не понимаю, кого я взращиваю? И как это отразится на моём мировоззрении, отношении ко всему... чего я в действительности боюсь, что меня пугает? Привязанность? Любовь? Разлука? Что может меня зацепить? Возможно, любовь... но я уже не ощущаю её как пару месяцев назад... Улеглась, разместилась?.. Испугалась и убежала?.. Переросла себя или меня? Или тебя?.. Она стала страхом... моим бичом, комом в горле, непосильным, тяжёлым камнем, о который спотыкаюсь день за днём! Может, вселенная потому и даёт мне такую сильную гамму чувств, такую чувствительность во всём, страстность, дикость... дабы зацепить меня за жизнь? И в то же время я разлетаюсь по миру всей гаммой чувств и желаний... Можно ли такое понять? Вынести? Всё те же, там же... Но без разрушительной фрустрации, без надрывного... и отраженное, и отражающее... Наверно, не смогла бы объяснить сама себе такое, не то, что понять... Ты меня понимаешь? Эй! Мир! Тут хоть кто-нибудь понимает? Хоть что-нибудь?

Нарада взяла лист и быстро настрочила несколько столбиков на своём маленьком столике. Сразу поняла, что отправлять она это никому не станет, это слишком личное, заплу-

тавшее...

Разорванная на самую себя...

В коварной полноте...

Собой заполнена сама!

Сама себя сжирая полным ртом набитым, Сражая
в самую глубокую тоску...

И веря, путая всю эту тошноту с влюблённостью,
Нелепую весной... я так поглощена тобой!

И тут хоть вой, хоть топай!

Забей себя или на всё забей!

Воюя ни за что, за твою тень

Во мрак сражая всю себя,

И наслаждаясь безгранично этим...

Так и не найдя себе ни места, ни занятия, королева, воспользовавшись потайным ходом, потонула в зелёной листве, направившись к Маяку. Дворец стоял в отдалении от городской жизни, хотя бы тем своим боком, который не выходил на городскую площадь, упираясь в океан одной из сторон и припёртый лесом и широкими полями к своему одиночеству с других концов строения. Люди редко доходили до этого высокого утёса, омываемого океаном и обласканного ветрами... До Маяка было рукой подать, если не скакать на лошадях вокруг леса по широким полям... Нарда не стала останавливаться возле книги. Она точно знала, что сможет побороть себя, просто на это уйдёт какое-то вре-

мя... Зачем? Потому что не навсегда, потому что невозможность быть вместе притягивает своим запретным?! Она думала, а что если было бы возможным оказаться вместе, всегда? Нужен был бы он ей, а она ему... Сколько необходимо времени, чтобы вернуть себя себе, без цепляния? Сколько необходимо времени, чтобы насытиться?... И стать чужими? И возможно ли это? Или же в скором станет невыносимо тесно, и они с радостью дадут друг другу хорошего пинка под зад! Но это в лучшем случае... Остановив себя на удобной мысли, она пошла выплескивать свои эмоции на бумагу в надежде, что он сразу прочтёт и никогда не увидит этого письма! Шторма, дожди, бури, солнце выжжет, смоем всё написанное... и он сразу ответит...

«Всё наполнено музыкой... Разрушенному восприятию не укрыться в шуме безмолвия... Внутренней готовностью ко всему и неприятием того, кому это предназначено... Свою любовь дарить миру... Только он способен вынести такую силу, принять мою преданность и жертвенность... Неужели невозможно воспринимать меня вне пантеона божественной могучести, как смертную женщину, которая просто стремится к тому, кого она так долго высматривала на своих глубинах?... Почему я себя привязываю к линейности? Зачем мне нужна эта безопасность, защищённое пространство, разделение себя с кем-то таким же, как я...? Моё зеркало... Ты смотришь на меня глазами мира... Миров, всех тех жизней, что мы провели вместе... Ты

не помнишь?!... А мне куда деть эту память?.. Зеркало зеркал... Отражение моего горения без сгорания, без надежды на проникновение... смирение... Скитания привели меня к твоей двери, моя глубина стоит у твоего порога и стремится отразиться в тебе... Зеркало... Мои серые зеркала... зацепившись неизвестно чем за твои горящие зрачки, поглощенные дикостью, разделённой на двоих... Способной разрушать и создавать миры своей силой... Уже лишённой линейности правил этого измерения... Зеркало... Мои изменения вне времени... Тело... Боже! Моё тело не успевает за скачками сознания... Оно ждёт, жаждет, замирая, как стеклянная вода, только твоего касания... Всем своим безумием, всем своим вниманием... Безнадёжно и так трепетно... Без возможности объять и понять силу этого проявления... Так долго это слияние с таким глубоким... Нахождение-наваждение на одной, невыносимо высокой ноте... И не отпускает спуститься и сделать вдох... Дышать тобой, в тебя... Моё зеркало... Принятие... Примешь ли ты эту чувственность в дар тебе?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.